

Воскрешение. Торжество жизни попраишем смерти смертью же. Совершеннейшая, «химически чистая» белизна.

Небытие духа (и потому *бытие мирского*) в игре алхимических метаморфоз оборачивается через духовное *небытие* подлинным *бытием духа*. Такое становится возможным лишь благодаря амбивалентной природе как магистрального средневековья (содержащего и одухотворенную практику), так и алхимической периферии средневековой культуры (содержащей заземленное, мирское духотворчество).

Алхимия устроена антитетически противоречиво. Но гордынный творчески индивидуальный пафос адепта *герметического искусства* ослабляет *томление по богу*. В алхимии в последнем счете оказываются снятыми и коллективно-индивидуальное приобщение, и неподатливое растворение во всеобщем субъекте — боге, и мучительное обретение себя как личности. Алхимия жестче, ригористичней, самонадеянней. Но так же незыблемы и неприкосновенны словно отлитые на века алхимические тексты, в точности соответствующие алхимическому делу, отмеченному гордым именем — *Scientia immutabilis*, присвоенным алхимии ревностными ее служителями.

Сама же паракультурная алхимическая деятельность, взятая целиком, — грандиозная вещественная, материально-предметная антитеза одухотворенному магистральному средневековью.

Соединить *вещь* и *имя*, осуществив тем самым средостение средневековой схоластики и средневекового ремесла, — пустяк для адепта алхимического искусства. Алхимик говорит: *«Возьми, сын мой, две унции ртути и три унции злости...»*. И не только говорит, но и берет. Правверный средневековый мыслитель этого не может. *Чудо пресуществления* — дело бога. Алхимик преобразует — пусть в чайниках — ржавое *железо* в немеркнущее *золото* с помощью нечудодейственных процедур, но и с помощью... *философского камня*. В результате: *совершенное золото, вечная жизнь*; *земное* — не райское! благоденствие. Материальный парафраз одухотворенного средневековья. *Чудо* противостоит обыкновенному превращению веществ; мастер частных изделий — изготовителю *золота*; строгий цеховой устав — незыблемой норме различий; создание пригодной в дело вещи — бутафорскому реквизиту золотоподобных изделий. Слово, обращенное к богу — овеществленному слову алхимиков. Вещь как свидетельство бога отменяет вещь как бесплотный ее знак. Деяние, не столько свидетельствующее о деле, сколько указывающее на дело и тем самым опустошающее его.

Совместная, сопряженная жизнь алхимии и собственно средневековой культуры от генезиса до исторической исчерпаемости — впечатляющее свидетельство игры антитетических оппозиций, взятых не в частных поворотах средневекового мышления, но в целом — в глобальном общекультурном контексте.

Человек западного средневековья — арена этой игры, ристалище специфически средневековых глубинных противоречий. Странные вещи творились в этом странном средневековье! Стигматы *святого Франциска*.